

ЛИССБЕТ
КОТЦОВА

Он не знал
о сыне.
Но теперь
заберёт его.

Ты
СКРЫЛА
— ОТ МЕНЯ —
СЫНА

ОН УЗНАЕТ
ПРАВДУ
И НЕ ОТПУСТИТ

Лиссбет Котцова

Ты скрыла от меня сына

«Литнет»

2026

Котцова Л.

Ты скрыла от меня сына / Л. Котцова — «Литнет», 2026

— Ты скрыла от меня сына? — голос бывшего мужа звучит хрипло и опасно. Он прижимает меня к стене, не давая сбежать.— Это не твой ребёнок... — шепчу, с трудом удерживая дрожь. Но он не верит. И не собирается верить. Слишком хорошо считает. Слишком хорошо помнит. Семь месяцев после развода — и у меня на руках новорождённый сын. Мой секрет. Моя боль. Моя защита. Я ушла беременной, чтобы навсегда вычеркнуть его из своей жизни. Чтобы он никогда не узнал правду. Но прошлое вернулось. И теперь Захаров готов разрушить всё, лишь бы забрать то, что считает своим.— У него есть отец, — тихо говорит он, наклоняясь ко мне слишком близко. — И я больше никому его не отдам. Он хочет сына. А я... всё ещё не уверена, что не люблю его. Встреча спустя годы. Тайны, которые нельзя раскрывать. И мужчина, который не умеет отпускать.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1

Я ненавижу супермаркеты в выходные.

Слишком много людей. Слишком громко. Слишком легко потеряться... или, наоборот, столкнуться с тем, кого больше всего не хочешь видеть.

— Мам, можно сок? — тянет меня за рукав Миша, глядя на яркие коробки с мультяшными персонажами.

Я заставляю себя улыбнуться.

— Только маленький, хорошо? И без этих... динозавров.

— Но они вкуснее! — возмущается он, и я тихо смеюсь, наклоняясь к нему.

Господи... ради него я бы пережила всё ещё раз.

Даже развод. Даже ту боль. Даже... его.

— Ладно, бери, — сдаюсь я.

Миша победно хватает коробку, и я на секунду отвлекаюсь, проверяя список покупок в телефоне.

Молоко. Хлеб. Фрукты...

— Извини.

Я врезаюсь в кого-то плечом.

Резко поднимаю глаза — и мир будто схлопывается.

Воздух выбивает из груди.

Нет.

Нет, только не он.

Захаров.

Он стоит передо мной — высокий, такой же уверенный, как и раньше. Чёрное пальто, чуть расстёгнутая рубашка, знакомый запах, от которого когда-то кружилась голова.

И сейчас — кружится снова.

Но уже от страха.

Его взгляд скользит по моему лицу, задерживается, будто он не сразу узнаёт... а потом темнеет.

— Ты? — тихо, почти неверяще.

Я не могу вдохнуть.

Четыре года.

Четыре чёртовых года я жила без него.

Училась дышать без него. Спать без него. Не вспоминать.

И вот он стоит передо мной.

Живой. Настоящий. Слишком близко.

— Здравствуй, Захаров, — выдавливаю я, чувствуя, как дрожит голос.

Чёрт. Только не показывай слабость.

Он усмехается. Лёгкая, холодная улыбка, которую я помню слишком хорошо.

— Даже без «как дела»?

— У меня всё хорошо.

Ложь.

Конечно, ложь.

Потому что моё «хорошо» сейчас сжимает мою ладонь маленькими пальцами и стоит за моей спиной.

Миша.

Сердце срывается в бешеный ритм.

Только не оборачивайся.

Пожалуйста, только не...
— Мам, я взял! — радостно сообщает он и выходит из-за меня.
Время останавливается.
Я вижу, как взгляд Захарова опускается вниз.
Как он замирает.
Как его лицо... меняется.
Сначала — недоумение.
Потом — внимательность.
Потом...
Нет.
Нет-нет-нет.
Я резко делаю шаг вперёд, будто могу закрыть собой сына от его взгляда.
Слишком поздно.
— Это... — его голос становится ниже. Жёстче. — Твой?
— Да, — быстро отвечаю я. Слишком быстро. — Мой.
Он смотрит на меня.
Потом снова на Мишу.
И я понимаю: он считает.
Он всегда умел считать. Быстро. Чётко. Без ошибок.
— Сколько ему? — спокойно спрашивает он.
Спокойно.
Слишком спокойно.
— Какая разница? — огрызаюсь я, хватая сына за руку.
— Большая, — он делает шаг ближе.
И я отступаю.
Инстинктивно.
Как раньше.
Чёрт, почему моё тело до сих пор его боится?
— Мам, кто это? — тихо спрашивает Миша, прижимаясь ко мне.
Я чувствую, как внутри всё сжимается.
— Никто, — шепчу я. — Пойдём.
— Никто? — Захаров усмехается, но в его голосе уже нет лёгкости. Только холод. —
Серьёзно?
Я поднимаю на него взгляд.
И впервые за эти минуты нахожу в себе силы выдержать его.
— Да. Никто.
На секунду между нами повисает тишина.
Та самая.
Тяжёлая.
Знакомая.
Та, в которой когда-то рождались ссоры... и поцелуи.
Но сейчас — только опасность.
Его взгляд снова скользит по Мише.
Задерживается.
Слишком долго.
Слишком внимательно.
И я вижу это.
То, что боялась увидеть.
Осознание.

Он медленно переводит взгляд на меня.
— Сколько. Ему. Лет? — отчётливо произносит он.
Я молчу.
Потому что если скажу — всё закончится.
Всё, что я строила.
Всё, ради чего терпела.
— Мам? — Миша тянет меня за руку.
Я сжимаю его ладонь крепче.
— Три с половиной, — вдруг говорит он сам.
И мир рушится.
Я закрываю глаза на секунду.
Чёрт.
Чёрт...
Когда я снова смотрю на Захарова, его лицо уже не скрывает ничего.
Ни злости.
Ни подозрения.
Ни того страшного, ледяного понимания.
— Три с половиной... — повторяет он тихо.
А потом делает ещё один шаг ко мне.
Слишком близко.
Опасно близко.
— Мы развелись четыре года назад, — говорит он, не отрывая от меня взгляда. — А
через семь месяцев ты родила.
Каждое слово — как удар.
Я чувствую, как подкашиваются ноги.
Но держусь.
Ради Миши.
Только ради него.
— Это не твой ребёнок, — выдыхаю я.
Ложь.
Грубая.
Отчаянная.
Единственная, которая у меня есть.
На секунду мне кажется, что он сейчас рассмеётся.
Скажет что-то едкое.
Отпустит.
Уйдёт.
Но он не уходит.
Наоборот.
Он наклоняется ближе.
Так близко, что я чувствую его дыхание на своих губах.
Как раньше.
Как тогда.
— Ты правда думаешь, что я идиот? — тихо спрашивает он.
И в его голосе нет ни капли смеха.
Только опасность.
Я сглатываю.
— У него есть отец, — продолжаю я, цепляясь за последнюю ниточку.
— Правда? — он слегка склоняет голову. — И кто же?

Я молчу.
Потому что ответа нет.
И он это понимает.
Его губы медленно растягиваются в холодной усмешке.
— Знаешь, что самое интересное? — говорит он почти шёпотом. — Он похож на меня.
Сердце замирает.
— Тебе кажется, — выдавливаю я.
— Нет, — он качает головой. — Мне не кажется.
Он выпрямляется.
Смотрит на Мишу.
Потом снова на меня.
И в его глазах загорается что-то страшное.
Решение.
— Я это проверю, — спокойно говорит он.
И от этого спокойствия становится по-настоящему страшно.
— Захаров...
— Не надо, — перебивает он. — Уже поздно.
Он делает шаг назад.
Но его взгляд всё ещё держит меня.
Как будто он уже не отпустит.
Никогда.
— Если он мой... — медленно произносит он, — ты сильно пожалеешь, что скрыла это от меня.
Я чувствую, как холод пробегает по позвоночнику.
— А если нет? — шепчу я.
Он усмехается.
Коротко.
Жёстко.
— Тогда тебе нечего бояться.
Он разворачивается и уходит.
Просто уходит.
Оставляя меня стоять посреди шумного супермаркета, с дрожащими руками и сердцем, которое вот-вот разорвётся.
— Мам... — тихо говорит Миша.
Я опускаюсь перед ним на колени и обнимаю так крепко, как только могу.
Как будто могу защитить.
Спрятать.
Сохранить.
Но внутри уже знаю:
Поздно.
Он вернулся.
И теперь... он не остановится.

Глава 2

Я думала, что самое страшное — встретить его.

Ошиблась.

Самое страшное — это знать, что он теперь не отпустит.

— Мам, кто это был? — спрашивает Миша, пока мы стоим на кассе.

Его маленькие пальцы сжимают мою ладонь, и я вдруг понимаю, что дрожу. По-настоящему. Не внутри — снаружи.

Я сглатываю.

— Просто знакомый, — стараюсь сказать спокойно.

— Он на тебя странно смотрел.

Сердце болезненно сжимается.

Да, малыш. Потому что он почти всё понял.

— Бывает, — выдавливаю я и отворачиваюсь к кассиру, чтобы не смотреть сыну в глаза.

Мне кажется, если он посмотрит на меня внимательнее — он тоже догадается.

Глупо.

Это невозможно.

Он ещё слишком маленький.

Но чувство, что мир трещит по швам, не отпускает.

— Пакет нужен? — спрашивает кассир.

— Да... да, нужен.

Я путаюсь в мелочах, роняю сдачу, собираю её дрожащими пальцами и мечтаю только об одном — выйти отсюда. Убежать. Скрыться.

Спрятаться.

Как я делала все эти годы.

На улице прохладно. Ветер бьёт в лицо, и я жадно вдыхаю воздух, будто только сейчас начинаю дышать.

— Мам, а он придёт к нам? — вдруг спрашивает Миша.

Я замираю.

— Нет.

Слишком резко.

Он удивлённо поднимает на меня глаза.

— Ты злишься?

Я закрываю глаза на секунду.

Господи... нет. Не на тебя.

Никогда не на тебя.

— Нет, солнышко, — мягче говорю я, присаживаясь перед ним. — Просто... устала.

Он внимательно смотрит на меня, словно пытается понять что-то важное.

Слишком взрослый взгляд для такого маленького мальчика.

И снова — его глаза.

Такие же.

Такие же, как у него.

Я резко встаю.

— Пойдём домой.

Нам нужно домой. В безопасное место. Туда, где нет Захарова.

Туда, где я смогу сделать вид, что ничего не случилось.

Я почти верю в это.
Почти.
Ровно до того момента, как подхожу к подъезду.
И вижу его.
Он стоит, облокотившись на машину, будто ждал меня.
Хотя... почему «будто»?
Конечно, ждал.
Сердце падает куда-то вниз.
— Мам... — тихо говорит Миша, сжимая мою руку сильнее.
— Всё нормально, — шепчу я, хотя сама себе не верю.
Захаров отталкивается от машины и медленно идёт к нам.
Спокойно.
Уверенно.
Как хищник, который уже выбрал добычу.
— Мы не договорили, — говорит он.
Я чувствую, как внутри всё сжимается.
— Нам не о чем говорить.
— Серьёзно? — он останавливается в нескольких шагах. — Тогда почему ты так нервничаешь?
— Я не нервничаю.
— Врёшь.
Одно слово.
И оно бьёт точнее любого удара.
Я делаю шаг назад.
— Уходи.
— Не раньше, чем получу ответы.
— Ты не имеешь права...
— Имею, — резко перебивает он.
Его голос становится жёстче.
Опаснее.
Я вижу, как он смотрит на Мишу.
Снова.
Слишком долго.
— Иди в подъезд, — тихо говорю сыну. — Подожди меня там.
— Но...
— Иди, — чуть строже.
Он неохотно отпускает мою руку и идёт к двери, постоянно оглядываясь.
Когда дверь закрывается, я остаюсь одна.
С ним.
Как раньше.
И от этого становится страшнее, чем когда-либо.
— Теперь поговорим? — спокойно спрашивает он.
Я скрепчиваю руки, пытаюсь скрыть дрожь.
— Что ты хочешь?
Он делает шаг ближе.
Потом ещё один.
Пока между нами почти не остаётся расстояния.
Я чувствую его запах.
Слишком знакомый.

Слишком опасный.
— Правду.
— Я уже сказала её.
Он усмехается.
— Серьёзно? Давай проверим.
Он наклоняется чуть ближе, и его голос становится тише.
Но от этого — только страшнее.
— Сколько ему лет?
Сердце пропускает удар.
Вот он.
Тот самый вопрос.
Я отвожу взгляд.
— Ты уже слышал.
— Я хочу услышать от тебя.
Я молчу.
Потому что любое слово — это шаг к краю.
— Сколько. Ему. Лет? — повторяет он, разделяя каждое слово.
— Три с половиной.
Голос предательски тихий.
Он кивает.
Медленно.
Как будто складывает пазл.
— А мы развелись когда?
Я сжимаю зубы.
— Ты знаешь.
— Хочу услышать.
— Четыре года назад.
Тишина.
Густая.
Тяжёлая.
Он проводит рукой по лицу, будто пытается сдержаться.
— И ты хочешь сказать, что это совпадение?
Я поднимаю на него взгляд.
— Да.
Ложь.
Он смотрит на меня долго.
Слишком долго.
А потом вдруг делает ещё один шаг — и я оказываюсь прижатой к холодной стене подъезда.
Воздух выбивает из лёгких.
— Не надо, Захаров... — шепчу я.
Но он не слушает.
Его руки упираются в стену по обе стороны от меня, отрезая путь к отступлению.
Как раньше.
Только тогда это было... по-другому.
— Ты правда думаешь, что я поверю? — тихо говорит он, глядя прямо в глаза.
Я чувствую, как внутри всё ломается.
— У него есть отец.
— Назови его.

Я молчу.
Потому что не могу.
Потому что его не существует.
Потому что есть только он.
— Вот видишь, — почти шёпотом говорит он.
Его взгляд скользит по моему лицу, задерживается на губах, и я на секунду забываю, как дышать.
Чёрт.
Почему это до сих пор действует?
Почему я до сих пор...
— Это не твой ребёнок, — повторяю я, уже тише.
Слабее.
Он наклоняется ещё ближе.
Так, что между нами почти нет расстояния.
— Тогда почему ты боишься?
Я закрываю глаза.
Потому что он прав.
Я боюсь.
Боюсь, что он узнает.
Боюсь, что заберёт.
Боюсь, что снова разрушит всё.
— Я не боюсь, — выдыхаю я.
— Боишься, — спокойно отвечает он. — И правильно делаешь.
Я резко открываю глаза.
— Что это значит?
Он отстраняется.
Медленно.
Как будто уже принял решение.
— Это значит, что я не отступлю.
Холод пробегает по коже.
— Захаров...
— Я сделаю тест.
Слова падают тяжело.
Неотвратно.
— Ты не имеешь права...
— Имею, — снова перебивает он. — Если он мой сын.
Я качаю головой.
— Ты не понимаешь...
— Нет, — его голос становится резким. — Это ты не понимаешь.
Он делает шаг назад.
Но легче не становится.
Наоборот.
Становится пусто.
И страшно.
— Если ты мне солгала... — говорит он медленно, — ты за это ответишь.
Я чувствую, как холод сжимает грудь.
— А если нет?
Он смотрит на меня.
Долго.

Пристально.
И в его глазах — уверенность.
— Тогда тебе нечего терять.
Он разворачивается.
И уходит.
А я остаюсь стоять у стены, не в силах пошевелиться.
Потому что внутри уже знаю правду.
Мне есть что терять.
Всё.

Глава 3

Я не помню, как поднялась домой.

Кажется, ноги сами несли меня по лестнице. Кажется, я держалась за перила так крепко, что пальцы побелели. Кажется, Миша что-то спрашивал, а я отвечала невпопад, кивая, улыбаясь, делая вид, что всё хорошо.

Я стала мастером этого искусства.

Делать вид.

Что не больно. Что не страшно. Что прошлое не умеет возвращаться и стучать кулаком прямо в грудь.

— Мам, ты точно не заболела? — Миша заглянул мне в лицо, когда мы вошли в квартиру. Я присела перед ним и заставила себя улыбнуться.

— Нет, зайчик. Просто устала.

— Из-за того дяди?

Сердце кольнуло.

Тот дядя.

Если бы всё было так просто.

Если бы Захаров действительно был просто чужим мужчиной из прошлого, случайной встречей, неприятным воспоминанием, которое можно стряхнуть, как каплю дождя с пальто.

Но он был не чужим.

Он был отцом моего сына.

И это убивало меня сильнее всего.

— Нет, — я погладила Мишу по волосам. — Не из-за него.

Он нахмурился совсем как... Господи.

Как Захаров.

Та же складка между бровей. Тот же упрямый взгляд. Та же привычка поджимать губы, когда не верит.

Как я могла надеяться, что Андрей не заметит?

Как могла думать, что смогу спрятать его собственную кровь у него перед глазами?

— Мам, он плохой? — тихо спросил Миша.

Я замерла.

Плохой.

Нет.

Вот в чём была самая страшная правда.

Захаров не был плохим. Не был чудовищем. Не был человеком, которого легко ненавидеть.

Если бы был — мне было бы проще.

Проще сказать сыну: «Да, плохой». Проще закрыть дверь. Проще стереть его из нашей жизни окончательно.

Но Андрей Захаров был сложнее.

Он умел быть жёстким. Невыносимым. Гордым до жестокости. Он мог ранить одним взглядом, одним словом, одним молчанием.

Но плохим?

Нет.

Когда-то он держал меня за руку так, будто я была его миром. Когда-то шептал мне в висок: «Я никому тебя не отдам». Когда-то смотрел так, что я верила — у нас навсегда.

А потом это «навсегда» рассыпалось в пепел.

— Он просто... из прошлого, — сказала я наконец.

Миша не понял, но кивнул.

— А прошлое — это далеко?

Я слабо улыбнулась.

— Иногда кажется, что да.

Я поцеловала его в лоб и отправила мыть руки.

Пока в ванной шумела вода, я стояла посреди кухни и смотрела в одну точку.

Телефон лежал на столе.

Чёрный экран.

Мёртвый.

Но мне казалось, что он сейчас оживёт. Зазвонит. Высветит незнакомый номер.

И я услышу его голос.

«Я всё знаю».

Я схватила телефон, открыла контакты и нашла номер своей подруги.

Лера ответила почти сразу.

— Ты жива? Я тебе с утра пишу.

Я открыла рот — и вдруг поняла, что не могу говорить.

Горло сдавило так сильно, что стало больно.

— Ника? — голос Леры изменился. — Что случилось?

Я закрыла глаза.

— Я встретила его.

Пауза.

Такая длинная, что я услышала собственное дыхание.

— Захарова? — тихо спросила она.

Я кивнула, хотя она не могла этого видеть.

— Да.

— Он видел Мишу?

Я прижала ладонь к губам.

— Да.

— Чёрт.

Вот именно.

Чёрт.

— Он догадался? — спросила Лера.

Я медленно опустилась на стул.

— Почти. Нет... не почти. Он считает. Он смотрел на него, Лер. Так смотрел... будто уже знал.

— Что ты сказала?

Я засмеялась.

Сухо. Безрадостно.

— Что это не его ребёнок.

— Ника...

— А что мне было сказать? — сорвалась я. — «Привет, Андрей, это твой сын, которого я родила после развода и скрывала три с половиной года»? Так?

— Я не обвиняю тебя.

— А он обвинит.

В этом я не сомневалась.

Он не просто обвинит.

Он уничтожит меня этим взглядом. Холодным, яростным, неверящим.

Скажет, что я украла у него сына.

И будет прав.

От этой мысли стало так больно, что я согнулась, прижимая руку к животу.

— Он хочет тест ДНК, — прошептала я.

Лера выругалась.

— Ты не обязана соглашаться сразу.

— Если он пойдёт в суд?

— Ника...

— Он пойдёт, — сказала я. — Ты же его знаешь. Если Захаров во что-то вцепился, он не отпускает.

Особенно если считает это своим.

А Миша...

Я не смогла закончить мысль.

— Послушай, — твёрдо сказала Лера. — Ты должна успокоиться. Сейчас главное — не паниковать.

— Поздно.

— Нет. Не поздно. Ты мать. У тебя есть права.

— А у него?

Лера замолчала.

И в этой тишине был ответ.

У него тоже были права.

Права, которых я его лишила.

Я закрыла глаза и снова увидела Захарова у подъезда.

Его руки по обе стороны от меня. Его лицо слишком близко. Его голос:

«Тогда почему ты боишься?»

Потому что я не знала, как защититься от человека, которого когда-то любила больше собственной жизни.

И, может быть, где-то в самой тёмной, самой запретной части сердца всё ещё любила.

— Мне надо идти, — сказала я глухо.

— Ника, не делай глупостей.

— Я уже сделала.

Я отключилась.

В ванной перестала шуметь вода.

— Мам! А где моё полотенце с машинками?

— Сейчас, малыш!

Я спрятала телефон в карман, вытерла лицо ладонями и пошла к сыну.

Жизнь не остановилась.

Вот что было самым ужасным.

После встречи с Захаровым мир не рухнул. Потолок не обвалился. Стены не треснули. Люди за окнами продолжали идти по своим делам. Машины ехали. Чайник кипел. Ребёнок просил полотенце.

А я внутри уже стояла на краю пропасти.

Вечером я уложила Мишу спать раньше обычного.

Он долго ворочался, просил сказку, потом вторую, потом воду, потом чтобы я посидела рядом.

Я сидела.

Гладила его по спине и смотрела, как он засыпает.

Мой мальчик.

Моя самая большая любовь.

Мой самый страшный секрет.

— Мам... — сонно пробормотал он.

— Что, солнышко?

— Тот дядя... он грустный был.

Я застыла.

— Почему ты так решил?

— У него глаза такие.

Я сглотнула.

— Спи, Мишенька.

— А у меня такие же?

Сердце остановилось.

Я не ответила сразу.

Не смогла.

— У тебя самые красивые глаза на свете, — прошептала я.

Он улыбнулся во сне.

А я сидела рядом ещё долго после того, как его дыхание стало ровным.

Потом тихо вышла из комнаты, прикрыла дверь и прислонилась к стене.

Меня трясло.

Не мелко, не чуть-чуть.

Всю.

Я сползла на пол прямо в коридоре, закрыла лицо руками и впервые за долгое время позволила себе заплакать.

Беззвучно.

Потому что Миша спал за стеной.

Потому что я не имела права быть слабой.

Потому что слабость — роскошь для женщин, которым не нужно каждый день защищать своего ребёнка от прошлого.

Телефон завибрировал.

Я резко подняла голову.

На экране был незнакомый номер.

Я смотрела на него, пока звонок не оборвался.

Через несколько секунд пришло сообщение.

«Завтра. 10:00. Кафе напротив твоего дома. Без ребёнка. Нам нужно поговорить».

Я не стала спрашивать, кто это.

Я знала.

Ноги стали ватными.

Следом пришло второе сообщение.

«Не придёшь — я сам поднимусь к тебе».

Вот он.

Захаров.

Тот самый.

Он не просил. Не предлагал.

Ставил условия.

Как будто эти четыре года ничего не изменили.

Как будто он всё ещё имел надо мной власть.

Я жала телефон так сильно, что заболели пальцы.

Нет.

Больше нет.

Я не та девочка, которая когда-то плакала на полу в нашей спальне, ожидая, что он вернётся и скажет: «Прости».

Я мать.

И если он хочет войну — я выдержу.

Даже если после неё от меня ничего не останется.

Утром я отвела Мишу к соседке, тёте Зое, сославшись на срочное дело.

Он капризничал, цеплялся за меня, не хотел отпускать.

— Ты быстро?

— Быстро, — соврала я.

Ещё одна ложь.

В последнее время я состояла из них целиком.

Когда я вошла в кафе, Захаров уже был там.

Конечно.

Сидел за столиком у окна, в тёмной рубашке, с телефоном в руке. Выглядел так, будто спал прекрасно. Будто не перевернул мою жизнь вверх дном одним появлением.

Хотя нет.

Когда он поднял глаза, я поняла: не спал.

Под глазами тени. Челюсть напряжена. Взгляд острый, тяжёлый.

Он тоже думал.

Считал.

Вспоминал.

Я подошла и села напротив.

— У тебя пять минут.

Он усмехнулся.

— Смелая стала.

— Пришлось.

Его улыбка исчезла.

— Из-за меня?

Я отвела взгляд.

— Не начинай.

— А я ещё и не начинал, Ника.

Моё имя в его голосе ударило прямо под рёбра.

Никто больше не произносил его так.

Будто оно принадлежало ему.

Будто я принадлежала.

Я выпрямилась.

— Что ты хотел?

Он отложил телефон.

— Ответов.

— Я тебе всё сказала.

— Нет. Ты сказала ложь.

— Докажи.

Он прищурился.

— Докажу.

Одно слово.

Спокойное.

И от него стало холодно.

— Ты не имеешь права врываться в мою жизнь.

— В твою? — он наклонился вперёд. — А если это и моя жизнь тоже?

— Нет.

— Почему?
— Потому что ты сам из неё ушёл!
Он замер.
Впервые за всё время я увидела, как его лицо дёрнулось.
Больно попала.
Значит, ещё можно.
— Я ушёл? — тихо переспросил он.
— Да.
— Ты подала на развод, Ника.
— Потому что ты не оставил мне выбора.
Его глаза потемнели.
Между нами снова встало прошлое.
То самое, которое мы оба похоронили по-разному.
Я — в ребёнке.
Он — в злости.
— Мы сейчас не о нас, — сказал он наконец.
— Вот именно. Поэтому уходи.
— Не уйду.
— Тогда что? Будешь угрожать?
— Буду добиваться правды.
— Правда в том, что Миша — мой сын.
— И мой?
Я сжала чашку, которую даже не заметила перед собой.
— Нет.
Он смотрел на меня.
Долго.
Без моргания.
— Скажи это ещё раз.
— Зачем?
— Хочу посмотреть, как ты врёшь.
Я резко встала.
— Разговор окончен.
Он поднялся следом.
Быстро.
Перехватил меня за запястье.
Не больно.
Но крепко.
Так, что по коже мгновенно побежали мурашки.
— Отпусти.
— Скажи.
— Отпусти, Захаров.
— Скажи мне в глаза, что он не мой.
Я подняла взгляд.
И это было ошибкой.
Потому что в его глазах была не только злость.
Там была боль.
Настоящая.
Глухая.
Мужская.

Такая, от которой хотелось закрыть ему лицо ладонями и прошептать: «Прости».
Но я не могла.
Я не имела права.
Если я дам слабинку — он войдёт в нашу жизнь. Заберёт пространство, воздух, спокойствие. Заставит Мишу полюбить себя.
А потом?
А потом однажды снова уйдёт.
И я не переживу, если он разобьёт не только меня, но и нашего сына.
— Он не твой, — сказала я.
Голос дрогнул.
Но слова прозвучали.
Между нами повисла тишина.
Захаров медленно отпустил моё запястье.
В его лице что-то закрылось.
Словно опустилась железная дверь.
— Плохо врешь, Ника.
Я не ответила.
— Очень плохо.
— Думай что хочешь.
— Я думаю, что ты боишься.
— Я думаю, что тебе пора лечить манию величия.
Он усмехнулся, но глаза остались ледяными.
— Хорошо. Поиграем.
Я напряглась.
— Во что?
— В твою правду.
Он достал из внутреннего кармана сложенный лист и положил на стол.
Я посмотрела вниз.
Не поняла сначала.
А потом увидела шапку юридической компании.
Сердце сорвалось.
— Что это?
— Запрос. Пока неофициальный. Мой адвокат уже в курсе.
Мне стало нечем дышать.
— Ты не посмеешь.
— Уже посмел.
— Он ребёнок!
— Мой ребёнок? — резко спросил он.
Я молчала.
И это молчание предало меня сильнее любых слов.
Захаров наклонился ближе.
— Вот видишь.
— Ненавижу тебя, — прошептала я.
Он вздрогнул едва заметно.
А потом сказал тихо:
— А я тебя пока нет. Но ты очень стараешься.
Эти слова ударили больнее, чем если бы он накричал.
Я схватила сумку.
— Не приближайся к нам.

— К тебе — может быть. К мальчику — нет.
Я остановилась.
Медленно повернулась.
— Ты не имеешь на него прав.
— Тогда докажи.
— Что?
— Что он не мой.
Я почувствовала, как земля уходит из-под ног.
Он смотрел прямо.
Жестоко.
Неумолимо.
— Сделай тест, Ника. И я исчезну.
Я усмехнулась сквозь слёзы.
— Ты не исчезаешь. Ты разрушаешь.
— А ты украла.
Я будто получила пощёчину.
— Не смей.
— Украла у меня три с половиной года, — продолжил он, и голос его впервые сорвался.
— Первый крик. Первую улыбку. Первые шаги. Первое слово. Всё, что я мог... если он мой.
Он замолчал.
Сжал кулаки.
А я стояла и не могла дышать.
Потому что он говорил правду.
Страшную.
Беспощадную.
Но правду.
— Я защищала его, — прошептала я.
— От кого?
Я посмотрела на него.
— От тебя.
Теперь уже он побледнел.
Между нами снова стало тихо.
Но это была другая тишина.
После удара.
После раны.
После слов, которые нельзя забрать назад.
Захаров медленно кивнул.
— Понятно.
Он взял лист со стола, сложил его обратно и убрал.
— Что понятно?
— Что ты не просто врёшь. Ты ещё и убедила себя, что права.
— Я права.
— Нет, Ника, — сказал он холодно. — Ты просто боялась.
Я хотела ответить.
Но не смогла.
Потому что в этот момент телефон в моей сумке зазвонил.
Я достала его дрожащими руками.
Тётя Зоя.
— Да?

— Вероника, деточка... ты только не волнуйся...
Мир снова замер.
— Что случилось?
— Миша... он выбежал во двор. Я на секунду отвернулась, а он...
— Где он?!
Я закричала так, что люди в кафе обернулись.
Захаров мгновенно оказался рядом.
— Что?
Я оттолкнула его и бросилась к выходу.
Но он догнал меня у двери.
— Ника, что случилось?!
Я обернулась.
И, наверное, впервые он увидел на моём лице настоящий ужас.
Не злость. Не упрямство.
Ужас матери.
— Миша пропал, — выдохнула я.
Лицо Захарова изменилось мгновенно.
Вся ярость исчезла.
Осталось только одно.
Страх.
Такой же, как у меня.
Он схватил меня за руку.
— Поехали.
Я хотела сказать, что сама.
Что не надо.
Что он никто.
Но слова застряли в горле.
Потому что в эту секунду я поняла страшное:
как бы я ни врал...
если с Мишей что-то случится, Захаров будет искать его так же отчаянно, как я.
Потому что он уже не верил мне.
Но ему больше и не нужно было верить.
Он уже чувствовал правду.

Глава 4

(от лица Захарова)
Я не верю в совпадения.
Никогда не верил.
И сейчас — не собираюсь начинать.
Я сижу в машине уже десять минут и не глушу двигатель.
Двор тихий. Обычный. Чужой.
Но за одним из этих окон — она.
И ребёнок.
Я сжимаю руль так, что пальцы немеют.
Три с половиной.
Чёртовы три с половиной года.
Я закрываю глаза и прокручиваю всё снова.
Её лицо в супермаркете. Побледневшее. Напряжённое. Слишком напряжённое для случайной встречи.
Ребёнок.
Мальчик.
Светлые волосы. Упрямый взгляд. И глаза...
Я резко выдыхаю.
Нет.
Это ничего не значит.
Мало ли у кого похожие глаза.
Мало ли.
Я усмехаюсь.
Сам себе.
Потому что знаю — это уже не «мало ли».
Я считаю.
Чётко. Холодно. Как всегда.
Развод.
Я помню дату до дня.
Потому что в тот день я окончательно понял, что потерял её.
Она подала сама.
Гордая. Упрямая. С ледяными глазами.
Я думал — остынет.
Вернётся.
Она всегда возвращалась.
Но не тогда.
Тогда она просто ушла.
И больше не пришла.
Я провожу рукой по лицу.
Четыре года назад.
Почти четыре.
А ребёнку — три с половиной.
Я открываю глаза.
Смотрю в лобовое стекло.
И внутри всё сжимается в один жёсткий, холодный ком.
Слишком чётко сходится.

Слишком.

— Нет, — тихо говорю сам себе.

Но голос звучит глухо.

Потому что я уже знаю ответ.

Я просто не хочу его признавать.

Телефон вибрирует в кармане.

Я достаю его, смотрю на экран.

Адвокат.

Как вовремя.

— Да, — коротко бросаю.

— Андрей, ты просил подготовить информацию по процедуре установления отцовства...

— Говори.

Я слушаю.

Внимательно.

Не перебивая.

Каждое слово укладывается в голове, как детали механизма.

Заявление. Суд. Тест ДНК. Сроки.

Всё просто.

Слишком просто.

— Я тебе скину список документов, — заканчивает он.

— Не надо.

Пауза.

— В смысле?

— Я сам разберусь.

Я отключаюсь.

Потому что понимаю: дело не в бумагах.

Не в суде.

Не в законе.

Дело в ней.

В том, как она на меня смотрела.

В том, как врала.

Я откидываюсь на спинку сиденья и закрываю глаза.

«Это не твой ребёнок».

Голос дрожал.

Чуть-чуть.

Но я заметил.

Я всегда замечал такие вещи.

Она никогда не умела врать спокойно.

Только когда была загнана в угол.

И сейчас она была именно там.

Я резко открываю глаза.

И злость поднимается изнутри.

Медленно.

Тяжело.

Как густая тёмная волна.

Если он мой...

Я сжимаю зубы.

Если он мой — она лишила меня трёх с половиной лет.

Трёх.
С половиной.
Лет.
Первый крик.
Первый шаг.
Первое слово.
Я не был там.
Я даже не знал.
Пальцы снова сжимаются на руле.
Сильнее.
— Чёрт, Ника... — выдыхаю я.
Почему?
Вот что я не могу понять.
Почему она не сказала?
Я вспоминаю её тогда.
После развода.
Холодная. Закрытая. Чужая.
Но не жестокая.
Она не была способна на такое.
Или я просто не знал её?
Эта мысль бьёт неожиданно.
Резко.
Я резко выпрямляюсь.
Нет.

Я знал её.
Лучше всех.
Каждый взгляд. Каждую привычку. Каждый жест.
Я знал, как она улыбается, когда врёт.
И как молчит, когда боится.
И сегодня...
Сегодня она боялась.
Я видел это.
Чётко.
Я снова прокручиваю момент в супермаркете.
Её реакция, когда я посмотрел на ребёнка.
Как она шагнула вперёд.
Как закрыла его собой.
Инстинктивно.
Как мать.
Как женщина, которая защищает.
Меня это тогда задело.
А сейчас...
Сейчас я понимаю.
Она защищала не просто ребёнка.
Она защищала правду.
От меня.
Я выхожу из машины.
Хлопаю дверью.

Холодный воздух бьёт в лицо, но не помогает.
Ни капли.
Я прохожу несколько шагов по двору, останавливаюсь.
Смотрю на окна.
Где-то там она.
И он.
Мой?
Я сжимаю кулаки.
— Ты лжёшь, Ника, — тихо говорю я.
И в этот момент это уже не предположение.
Это факт.
Она лжёт.
Вопрос только — зачем.
Я достаю телефон.
Открываю галерею.
Листаю старые фото.
Её.
Нас.
Та, где она смеётся, запрокинув голову.
Та, где смотрит на меня снизу вверх, будто я весь её мир.
Та, где спит у меня на плече.
Я останавливаюсь.
И вдруг ловлю себя на мысли:
если у нас был ребёнок...
Он должен быть похож на неё.
Но я видел его.
И видел себя.
Чёрт.
Я резко убираю телефон.
Нет.
Хватит.
Это нужно заканчивать.
Я не тот человек, который будет гадать.
Я узнаю.
Любой ценой.
Я снова смотрю на подъезд.
И принимаю решение.
Жёсткое.
Окончательное.
— Завтра, — говорю я вслух. — Ты скажешь мне правду.
Или я её заберу сам.
Я разворачиваюсь, иду к машине, но на полпути останавливаюсь.
Потому что вдруг понимаю ещё одну вещь.
Самую неприятную.
Если он мой...
Я не смогу просто уйти.
Не смогу закрыть дверь.
Не смогу забыть.
Это уже не только про неё.

Это про него.
Про мальчика, который смотрел на меня своими глазами.
Я медленно выдыхаю.
И в груди становится тяжело.
Не от злости.
От чего-то другого.
Нового.
Непривычного.
Ответственности.
И это злит ещё сильнее.
— Ты сильно ошиблась, Ника, — тихо говорю я.

Потому что если это правда...
Я не просто узнаю.
Я заберу.
Всё, что она у меня отняла.

Глава 5

Я знала, что он придёт.
Просто не думала, что так быстро.
И что я окажусь к этому совершенно не готова.
Дверь подъезда захлопнулась за моей спиной с глухим звуком, отрезая шум улицы.
Внутри пахло сыростью, краской и чем-то ещё — старым, привычным.
Я делаю шаг к лифту.
Ещё один.
Пытаюсь дышать ровно.
Пытаюсь убедить себя, что он не появится.
Что это всё было просто совпадение.
Что он... отпустит.
Глупо.
Очень глупо.
— Далеко собралась?
Голос за спиной.
Тихий.
Низкий.
Знакомый до боли.
Я замираю.
Секунда.
Вторая.
И только потом медленно оборачиваюсь.
Захаров стоит у двери.
Как будто всё это время был здесь.
Как будто ждал.
Как будто знал, что я не смогу сбежать.
Сердце резко ударяет в грудь.
— Ты следишь за мной? — спрашиваю я, стараясь звучать холодно.
Не получается.
Он усмехается.
— Если бы следил — ты бы не заметила.
Как раньше.
Всегда уверенный.
Всегда контролирующий.
Я слатываю.
— Уходи.
— Мы не закончили.
— Закончили.
Я разворачиваюсь к лифту и нажимаю кнопку.
Пальцы дрожат.
Чёрт.
Только не показывай это.
Только не сейчас.
За спиной — шаги.
Медленные.
Уверенные.

Каждый — как удар по нервам.
Я не оборачиваюсь.
Не хочу.
Не могу.
Слишком хорошо знаю, что увижу в его глазах.
— Я задал тебе вопрос, Ника.
Я сжимаю губы.
— А я тебе ответила.
— Нет.
Его голос ближе.
Слишком близко.
Я чувствую это даже не оборачиваясь.
— Ты соврала.
Я резко поворачиваюсь.
— Ты переоцениваешь себя.
И это ошибка.
Потому что я слишком близко.
Слишком.
Он стоит прямо передо мной.
И в следующую секунду делает шаг.
Резкий.
Быстрый.
Я даже не успеваю отреагировать.
Его руки оказываются по обе стороны от меня, упираясь в стену.
Я оказываюсь зажата.
Как тогда.
Много лет назад.
Когда это было не страшно.
Когда это было... желанно.
Сейчас — нет.
Сейчас сердце колотится от страха.
И ещё от чего-то.
Чего я боюсь признать ещё сильнее.
— Не надо... — выдыхаю я.
Он наклоняется ближе.
Медленно.
Специально.
Давая мне время почувствовать это.
Каждый сантиметр расстояния.
Каждый вдох.
— Надо, — тихо говорит он.
Я упираюсь ладонями в его грудь.
Жёсткую.
Тёплую.
Слишком знакомую.
Чёрт.
— Отпусти.
— Ответь.
Его голос уже не спокойный.

В нём появляется сталь.
Та самая.
Которая когда-то разрушила нас.
— Это не твой ребёнок.
Слова вырываются быстрее, чем я успеваю подумать.
Он замирает.
На долю секунды.
И я вижу, как в его глазах что-то вспыхивает.
Ярость?
Нет.
Хуже.
Недоверие.
Он не верит ни слову.
— Скажи это ещё раз, — тихо просит он.
Я сглатываю.
Сердце бьётся где-то в горле.
— Это. Не. Твой. Ребёнок.
Я произношу медленно.
Чётко.
Стараясь не дрожать.
Но голос всё равно предаёт.
Чуть-чуть.
И этого достаточно.
Он усмехается.
Но в этой усмешке нет ничего хорошего.
— Плохо.
— Что?
— Плохо врёшь.
Я резко отвожу взгляд.
Потому что не могу выдержать его.
Потому что если ещё секунду — сломаюсь.
— Мне не нужно тебе верить, — продолжает он тихо. — Я просто проверю.
Я замираю.
— Ты не посмеешь.
Он наклоняется ещё ближе.
Так, что его губы почти касаются моего виска.
Я чувствую его дыхание.
И от этого по коже пробегает дрожь.
Предательская.
Ненужная.
— Посмею, — шепчет он.
И в этом шёпоте — обещание.
Жёсткое.
Неотвратимое.
Я резко поворачиваю голову.
Наши лица оказываются в нескольких сантиметрах друг от друга.
Слишком близко.
Слишком.
— Зачем тебе это? — спрашиваю я, уже не скрывая дрожи. — Мы чужие люди.

Он смотрит на меня.
Долго.
Тяжело.
И вдруг его взгляд меняется.
Становится... тем самым.
Тем, от которого когда-то у меня подкашивались колени.
— Ты правда так думаешь? — тихо спрашивает он.
Сердце сжимается.
Чёрт.
Не надо.
Только не это.
— Да.
Ложь.
Очередная.
Он видит это.
Конечно, видит.
Его взгляд скользит по моему лицу.
По губам.
Я забываю, как дышать.
И на секунду...
Всего на одну чёртову секунду...
Мне кажется, что сейчас он меня поцелует.
Как раньше.
Резко.
Жадно.
Словно всё ещё имеет на это право.
Я не отталкиваю его.
Не сразу.
И это — самая большая ошибка.
Потому что он это чувствует.
Его взгляд темнеет.
— Значит, чужие? — тихо говорит он.
— Да, — выдыхаю я.
И только теперь собираю в себе силы и толкаю его.
Слабо.
Он почти не двигается.
Только отстраняется на сантиметр.
— Тогда почему ты дрожишь? — спрашивает он.
Я сжимаю зубы.
— Потому что ты меня пугаешь.
Он замирает.
И это... правда.
Но не вся.
Я боюсь не только его.
Я боюсь того, что всё ещё чувствую.
И это гораздо страшнее.
Он медленно выпрямляется.
Отступает на шаг.
И вдруг становится холодным.

Снова.
Как в день развода.
Как в тот момент, когда между нами всё сломалось.
— Хорошо, — говорит он спокойно.
Слишком спокойно.
— Хочешь по-хорошему — не получается.
Я настораживаюсь.
— Что это значит?
Он смотрит прямо.
Без тени сомнений.
— Это значит, что я это проверю.
Сердце падает.
— Захаров...
— Через суд, если придётся.
— Ты не имеешь права!
— Если он мой — имею.
Тишина.
Густая.
Тяжёлая.
Я чувствую, как внутри всё рушится.
— А если нет? — шепчу я.
Он делает паузу.
Смотрит на меня.
И говорит тихо:
— Тогда я исчезну.
Ложь.
Я это вижу.
Он не исчезнет.
Такие, как он, не исчезают.
Они остаются.
Ломают.
Забирают.
Я качаю головой.
— Ты уже всё разрушил.
Он усмехается.
Горько.
— Нет, Ника. Это сделала ты.
Слова бьют точно.
Я вздрагиваю.
— Я защищала его.
— От кого?
Я поднимаю на него взгляд.
И говорю тихо:
— От тебя.
Он замирает.
И на секунду...
Всего на секунду...
я вижу в его глазах боль.
Настоящую.

Глубокую.
Но она быстро исчезает.
Сменяется холодом.
— Поздно, — говорит он.
И отходит.
Я остаюсь у стены.
Слабая.
Разбитая.
С сердцем, которое не выдерживает всего этого.
Он идёт к выходу.
Останавливается у двери.
Не оборачивается.
— Я узнаю правду, — говорит он. — И тогда... посмотрим, кто кого защищал.
Дверь захлопывается.
Глухо.
Окончательно.
А я медленно сползаю по стене вниз.
Закрываю лицо руками.
И впервые позволяю себе прошептать то, что не имею права говорить вслух:
— Прости...
Но уже слишком поздно.

Глава 6

(от лица Захарова)

Я не привык сомневаться.

Если мне нужна правда — я её получаю.

Вопрос только во времени.

И в цене.

Я сижу в офисе, но не вижу перед собой ни документов, ни цифр. Всё расплывается в один серый фон.

Перед глазами только одно.

Мальчик.

И его глаза.

Я резко захлопываю папку.

Чёрт.

— Андрей? — осторожно подаёт голос Игорь, мой зам. — Ты меня слушаешь?

— Нет, — честно отвечаю я. — Перенеси всё на завтра.

Он удивлённо моргает.

— Всё?

— Всё.

— Даже встречу с...

— Я сказал — всё, — перебиваю я жёстче, чем нужно.

Он замолкает.

Кивает.

Уходит.

Дверь закрывается.

Тишина.

Наконец-то.

Я провожу рукой по лицу и откидываюсь в кресле.

Нужно думать.

Холодно.

Без эмоций.

Как всегда.

Но не получается.

Потому что это не бизнес.

Не контракт.

Это...

Я резко выдыхаю.

Нет.

Пока это просто вероятность.

И я не имею права вести себя так, будто всё уже решено.

Я достаю телефон.

Открываю заметки.

Пишу:

Развод — дата.
Ребёнок — возраст.

Смотрю на эти две строки.

И внутри снова поднимается это чувство.

Тяжёлое.

Глухое.

Почти злость.
Я помню дату развода.
До дня.
До часа.
До чёртовой подписи на бумаге.
Потому что в тот момент я думал, что это просто очередной её демарш.
Что она остынет.
Вернётся.
Попросит.
Но она не вернулась.
И теперь...
Теперь у неё есть ребёнок.
Я сжимаю телефон.
Ладно.
Проверим.
Я открываю браузер.
Нахожу городской реестр.
Старые контакты всё ещё работают.
Деньги, связи — полезная штука.
Через двадцать минут у меня уже есть список.
Дети, рождённые в нужный период.
Фамилии.
Даты.
Я прокручиваю.
Сухо.
Без эмоций.
Как будто это не касается меня.
Но руки всё равно напряжены.
Слишком.
— Давай... — тихо говорю я сам себе.
И нахожу.
Михаил.
Дата рождения: ...
Я замираю.
Смотрю на цифры.
Секунда.
Вторая.
Третья.
И потом начинаю считать.
В уме.
Быстро.
Чётко.
Как всегда.
Дата развода.
Плюс семь месяцев.
Плюс дни.
Недели.
И результат...
Совпадает.
Идеально.

Слишком идеально.
Я резко откидываюсь в кресле.
И на секунду просто смотрю в потолок.
Пусто.
Ни одной мысли.
Только один вывод.
Она солгала.
Жёстко.
Холодно.
Осознанно.
Я закрываю глаза.
И вдруг внутри что-то ломается.
Три с половиной года.
Три.
С половиной.
Я пропустил всё.
Первый крик.
Первую ночь.
Когда он, наверное, не спал.
Когда она уставала.
Когда держала его на руках.
Без меня.
Я резко сжимаю кулак.
— Чёрт...
Почему?
Почему она не сказала?
Я вспоминаю её лицо вчера.
Испуганное.
Защищающее.
Закрывающее ребёнка собой.
И понимаю.
Она не просто скрывала.
Она защищала.
От меня.
Мысль бьёт неприятно.
Резко.
— Серьёзно? — тихо усмехаюсь я. — От меня?
Я встаю.
Подхожу к окну.
Смотрю вниз.
Люди идут по своим делам.
Обычная жизнь.
Как будто ничего не произошло.
Как будто я только что не узнал, что у меня, возможно, есть сын.
Я провожу рукой по стеклу.
Холодному.
Как и всё внутри.
Если это правда...
Я сжимаю зубы.

Если это правда — она лишила меня права быть отцом.
Не просто информации.
Не просто факта.
Права.
И это уже не про обиду.
Это про...
Я замолкаю.
Потому что не хочу называть это вслух.
Но слово всё равно приходит.
Ответственность.
Я выдыхаю резко.
Нет.
Сначала — факты.
Я возвращаюсь к столу.
Снова смотрю на экран.
Дата.
Имя.
Фамилия.
Михаил...
Я тихо повторяю:
— Миша...
И это звучит странно.
Непривычно.
Но...
Почему-то правильно.
Я резко закрываю ноутбук.
Хватит.
Этого уже достаточно.
Теперь следующий шаг.
Я достаю телефон.
Набираю номер.
— Да? — отвечает знакомый голос.
— Мне нужна информация.
— По кому?
Я делаю паузу.
Короткую.
Но важную.
— Вероника... — называю её фамилию.
— Понял. Что именно?
— Всё.
— Сроки?
— Сегодня.
Он усмехается.
— Ты не меняешься.
— Я плачу.
— Тогда будет.
Я отключаюсь.
И на секунду просто стою, глядя в пустоту.
План есть.

Действия есть.
Всё как всегда.
Но внутри...
Внутри не так.
Я снова вижу его.
Мальчика.
Как он смотрел на меня.
Без страха.
С интересом.
С каким-то странным... доверием.
Как будто не чувствовал во мне чужого.
И это бьёт сильнее всего.
Я резко провожу рукой по лицу.
— Если ты мой... — тихо говорю я.
И в голосе появляется что-то новое.
Жёсткое.
Решительное.
— Я тебя заберу.
Слова звучат сами.
Без усилия.
Как факт.
Потому что иначе быть не может.
Я не из тех, кто отказывается от своего.
Никогда не был.
И не буду.
Телефон вибрирует.
Сообщение.
Я открываю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.